

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Иностранные военнопленные Великой Отечественной войны на Урале: численность, состав, размещение

В.П. МОТРЕВИЧ – профессор кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии (г. Екатеринбург), доктор исторических наук, профессор

Статья посвящена иностранным военнопленным Великой Отечественной войны на Урале: определены и проанализированы источники информации о военнопленных, дана характеристика их численности, составу, размещению по областям и лагерям для военнопленных в военные и послевоенные годы. Статья также рассказывает о судьбе некоторых военнопленных.

Ключевые слова: великая Отечественная война; военнопленные; плен; лагерь военнопленных

Военнопленные – это лица, принадлежащие к вооруженным силам воюющих стран, включая добровольческие отряды партизан, участников движения сопротивления и др., оказавшиеся во власти противника. Военнопленными также считаются некоторые некомбатанты (военные корреспонденты, члены экипажей торгового флота, гражданской авиации и др.). Режим плена регулируется положениями о законах и обычаях сухопутной войны (приложение к 4-й декларации Гаагской конференции 1907 г. и Женевской конференции 1949 г. об обращении с военнопленными).

Изучение данной проблематики опирается на серьезную источниковую базу. Спецификой ее является отсутствие какого-либо единого комплекса документов. Типологически все они делятся на следующие группы: источники международно-правового характера и дипломатические документы; акты высших органов государственной власти, советских, административных и карательных органов; документы местных органов власти; делопроизводственная документация областных управлений НКВД–МВД СССР; архивно-следственные дела; источники личного происхождения; фотодокументы. Большинство из них до сих пор не стали достоянием науки, что составляет вторую особенность источниковой базы. Среди источников международно-правового характера и дипломатических документов – конвенций о защите жертв войны, международных договоров, дипломатической переписки – значительная часть сегодня уже опубликована. Эти документы, прежде всего, позволяют

изучить проблему военнопленных в контексте международных отношений.

В равной степени это относится и ко второму комплексу источников. Практически все они сформированы в органах власти; в них суммируются однотипные признаки в соответствии с логикой развития политики государства по отношению к военнопленным. Главной же особенностью источников рассматриваемой группы является то, что подавляющее большинство из них составляют ведомственные нормативно-правовые акты. При этом по субъекту издания это преимущественно документы НКВД–МВД и УПВИ–ГУПВИ НКВД–МВД СССР. Акты местных органов власти являются своего рода дополнением к предыдущей группе источников. Будучи немногочисленными, они тем не менее позволяют проследить, как политика центра по отношению к иностранным военнопленным периода Второй мировой войны проводилась на местах, какие особенности она приобретала под воздействием местных условий. Наиболее информативными в конкретно-историческом плане являются источники четвертой группы. В настоящее время они хранятся в центральных архивах: Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном военном архиве (РГВА), Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), а также в местных государственных и ведомственных архивах тех республик и областей Российской Федерации, где находились лагеря для военнопленных.

Главным хранителем информации по пробле-

ме нахождения в СССР военнопленных Второй мировой войны является РГВА (бывший Центр хранения историко-документальных коллекций, а до этого «Особый архив»). В фондах архива по данной проблеме сохранился крупный массив документальных материалов, среди которых можно выделить следующие: формуляры лагерей для военнопленных, отчеты лагерной администрации, справки отдела трудового использования, документы отделов по антифашистской борьбе и антифашистских школ¹. Имеется много свидетельств о зверствах немецко-фашистских войск на временно оккупированной территории Советского Союза, а также благодарственных писем от военнопленных в адрес И.В. Сталина. В архивах хранятся литературные произведения военнопленных, фотоальбомы об их жизни в плену, многочисленные воспоминания о пребывании в нашей стране. Материалы подобраны отдельно по немцам, австрийцам, голландцам, французам, японцам и т.д. На всех военнопленных сохранились личные дела и учетные карточки². Учетные карточки сосредоточены в специальном алфавитном каталоге, среди них особо выделим картотеку на оказавшихся в советском плену генералов иностранных армий.

В структуре рассматриваемой группы источников особое место занимают материалы ведомственных архивов на местах – Отдела спецфондов Информационного центра Главного управления внутренних дел Свердловской области (Отдел спецфондов ИЦ ГУВД Свердловской области) и архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области (Архив УФСБ РФ по Свердловской области). Выявленные в фондах архива УФСБ РФ по Свердловской области источники в массе своей представлены документами отчетно-исполнительного характера: докладами, рапортами, сообщениями, донесениями и отчетами управлений лагерей, отделов областного ОПВИ УНКВД–УМВД СССР по Свердловской области. Среди них наиболее ценными представляются спецсообщения о работе лагерей военнопленных в начальный период их существования, то есть в 1942–1943 гг. Будучи уникальными, эти источники проливают свет на проблему становления и функционирования на Среднем Урале первых лагерей военнопленных, а также динамику численности военнопленных, производственной деятельности лагерей и ее первых результатов³.

Документы Отдела спецфондов ИЦ ГУВД Свердловской области охватывают более поздний период, когда большая часть военнопленных была репатриирована на родину. В СССР остались лишь те из них, кто был осужден за совершенные в годы войны преступления и переведен в категорию военных преступников. Здесь также хранятся дела об организации и функционировании кладбищ военнопленных, которые позволяют продуктивно исследовать самые разные аспекты проблемы иностранных

воинских захоронений. Эти материалы представляют огромную ценность не только в сугубо научном, но и практическом плане. Они позволяют выявить судьбы отдельных людей, места их захоронения, идентифицировать могилы умерших и восстановить кладбища военнопленных, если на их территории не велось строительных, сельскохозяйственных или лесоустроительных работ⁴. Архивно-следственные дела военнопленных, осужденных Военным трибуналом войск МВД Уральского округа за военные и государственные преступления в 1940–1950 гг. и в настоящее время реабилитированных, хранятся в Государственном архиве административных органов Свердловской области.

Специфический комплекс материалов составляют фотодокументы Российского государственного архива и архива Управления ФСБ России по Свердловской области, запечатлевшие пребывание на Среднем Урале осужденных военнопленных, условия их жизни и результаты трудового использования. Являясь особым источником, фотодокументы освещают лишь некоторые отдельные фрагменты событий. Очевидно также и то, что администрация лагеря № 476 при составлении альбомов с фотографиями своих подопечных стремилась показать условия жизни последних в самом выгодном свете и подходила к отбору снимков избирательно⁵.

В целом представляется, что только комплексное использование всех названных групп источников максимально приблизит исследователей к объективной картине пребывания иностранных военнопленных Второй мировой войны в СССР во всем многообразии ее ракурсов. Ввод в научный оборот на рубеже 1980–1990-х гг. ранее закрытых материалов вызвал большой интерес исследователей к военнопленным Второй мировой войны, поскольку до этого недоступность источниковой базы не позволяла серьезно заниматься данной проблематикой.

В начале 1990-х гг. вышли первые работы по истории советского плена, выполненные на материалах бывшего «Особого архива» и опирающиеся на серьезную источниковую базу. Среди них отметим работы В.П. Галицкого, посвященные политике Советского государства в отношении военнопленных, участию военнопленных в антифашистском движении, их трудоустройству, а также положению в СССР военнопленных иностранных армий. В начале 1990-х гг. начинается исследование проблемы военнопленных и в российских регионах. По Европейскому Северу стал активно разрабатывать данную тему В.Б. Конасов, по Западной Сибири – С.С. Букин и А.А. Долголюк, по Восточной Сибири – Е.Ю. Бондаренко, С.И. Кузнецов и др. На уральских материалах выходят первые публикации В.П. Мотревича. В нашей стране различные аспекты военного плена впервые широко обсуждались на международной научной конференции «Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства», состо-

явшейся в июне 1992 г. в Уральском государственном университете. Данной проблеме была посвящена специальная секция, привлекавшая пристальное внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Интерес к проблематике в России и за рубежом оказался настолько значительным, что это позволило через несколько лет провести в Вологде специальную международную научно-практическую конференцию, посвященную проблемам военного плена⁶.

Во второй половине 1990-х гг. в регионах наблюдается повышенный интерес к разработке данной темы. В результате появилась целая когорта исследователей, которые достаточно интенсивно трудятся в данном направлении. Среди них следует отметить Н.В. Баранова, Р.С. Бикметова, В.А. Всеволодова, А.Л. Кузьминых, С.Г. Сидорова, А.В. Терещук, А.И. Тимошенко, Т.А. Щелокаевой и др. На Урале по материалам Свердловской области активно работают А.С. Смыкалин и Н.В. Суржикова, Оренбургской области – Е.К. Рожкова. Изучение проблемы военнопленных в СССР ведется и учеными других государств, в первую очередь бывших советских республик. Среди них следует отметить О.В. Буцько, В.Ю. Короля, В.В. Левикина, А.В. Потыльчака и А.С. Чайковского в Украине, Л.В. Михееву в Казахстане и др.

Иностранное военнопленные в СССР появились с началом Великой Отечественной войны. В 1941 г. в советском плену содержалось 9147 военнослужащих германской армии и их союзников. Более 10 тыс. их добавилось в течение десяти месяцев 1942 г., и свыше 150 тыс. – за период с ноября 1942 г. по февраль 1943 г. В дальнейшем число пленных неуклонно возрастало. Всего в результате Второй мировой войны в плену на территории СССР оказалось 4,1 млн военнопленных германской армии и ее союзников. Держать пленных вблизи линии фронта было опасно, поэтому их отправляли в глубокий тыл, в районы, испытывающие наибольшую потребность в рабочей силе. На Урал военнопленные стали прибывать весной 1942 г. Вначале их размещали в специально отведенных зонах – лагерях ГУЛАГа, а затем в формируемых отдельных лагерях в системе Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ НКВД СССР). На местах лагерями военнопленных и их трудоустройством руководили отделы по делам военнопленных и интернированных (ОПВИ УНКВД).

В Свердловскую область военнопленные стали поступать весной 1942 г. В мае 1942 г. был издан приказ НКВД СССР об использовании военнопленных на торфоразработках Наркомата электростанций в Свердловской области, на основании которого военнопленных первоначально разместили в специально отведенных зонах – лагерях для советских заключенных. В мае 1942 г. в Свердловской области были организованы Басьяновский (лагерь № 67) и Монет-

но-Лосиновский лагеря, а в августе – Исетско-Аятский лагерь для военнопленных. Всего за период 1941–1942 гг. в советском плену оказалось около 20 тыс. военнослужащих вражеских армий, из них на территории Среднего Урала был размещен 4921 чел., из которых в течение 1942 г. умерло около половины – 2217 чел.⁷

В начале 1943 г. в составе УНКВД по Свердловской области был организован Отдел по делам военнопленных и интернированных (ОПВИ) Управления НКВД–МВД по Свердловской области. В его структуру входили учетное и планово-производственные отделения, квартирно-эксплуатационная, продовольственная, обозно-вещевая и медико-санитарные службы, а также сельскохозяйственное отделение. По состоянию на конец 1945 г. на территории Свердловской области насчитывалось 13 лагерей для военнопленных. Это Асбестовский лагерь № 84 (в составе лагеря насчитывалось 9 лагерных отделений), Нижнетагильский лагерь № 153 (7 лаготделений), Краснотурьинский лагерь № 197 (3 лаготделения), Алапаевский лагерь № 200 (9 лаготделений), Уральский лагерь № 245 (6 лаготделений), Дегтярский лагерь № 313 (6 лаготделений), Нижнеисетский лагерь № 314 (9 лаготделений), Новолялинский лагерь № 318 (6 лаготделений), Красноуральский лагерь № 376 (6 лаготделений), Кировградский лагерь № 377 (5 лаготделений), Карпинский лагерь № 504 (4 лаготделения), Артемовский лагерь № 523 (8 лаготделений) и Верхнепышминский лагерь № 531 (6 лаготделений)⁸.

Таким образом, первоначально лагеря для военнопленных размещались преимущественно в индустриальных центрах – Алапаевске, Артемовском, Асбесте, Каменск-Уральске, Невьянске, Нижнем Тагиле, Первоуральске, Ревде, Реже, Свердловске и др. Начиная с 1944 г. отделения с военнопленными стали входить в состав расположенных на территории Свердловской области лагерей лесной промышленности НКВД СССР – Востокураллага (3 лаготделения), Ивдельлага (5 лаготделений) и Севураллага (7 лаготделений).

Большая часть военнопленных была размещена и в других областях Уральского региона. Так, в Челябинской области функционировал Потанинский лагерь № 68 в составе 9 лагерных отделений, рассчитанный на 20,0 тыс. чел., Челябинский лагерь № 102 (11 лаготделений), Кыштымский лагерь № 180 (5 лаготделений), Златоустовский лагерь № 337 (10 лагерных отделений), Оздоровительный лагерь № 443 и Магнитогорский лагерь № 527 (5 лаготделений). На территории Челябинской области был размещен и Ашанский лагерь № 130 (3 лаготделения), который подчинялся УНКВД по БАССР.

В Молотовской (Пермской) области находились Краснокамский лагерь № 207 (10 лаготделений), Губахский лагерь № 346 (4 лаготделения) и Березниковский лагерь № 366 (4 лаготделения). В Чкаловской (Оренбургской)

области были организованы Новотроицкий лагерь № 235 (1 лаготделение), Орский лагерь № 260 (2 лаготделения) и Чкаловский лагерь № 369 (5 лаготделений). В Башкирии находился Уфимский лагерь № 319 (5 отделений). В Удмуртии были размещены Рябовский лагерь № 75 (2 лаготделения) и Ижевский лагерь № 371 (3 лаготделения). В Курганской области размещался лагерь для военнопленных № 514, в Тюменской – № 93 в составе трех отделений. Кроме лагерей на территории Уральского региона размещались и спецгоспитали. Для нуждавшихся в длительном лечении военнопленных в пос. Талица г. Первоуральска был организован спецгоспиталь № 1893, который действовал до начала 1956 г. Кроме того, с 1947 по 1950 гг. в г. Нижнем Тагиле работал передислоцированный с Дальнего Востока спецгоспиталь № 2929. В г. Магнитогорске Челябинской области функционировал спецгоспиталь № 5921, в г. Шумихе Курганской области – спецгоспитали № 3757. Ряд спецгоспиталей были расположены в Оренбургской области – спецгоспитали № 3318 и 3926 в пос. Ак-Булак Акбулакского района, спецгоспитали № 1069 и 3315 в г. Бузулуке, спецгоспиталей № 1659 и 1660 в г. Бугуруслане, спецгоспитали № 5888 и 5889 в пос. Ракитянка г. Медногорска, спецгоспиталь № 3922 в г. Орске. Шесть спецгоспиталей находились в Удмуртии (№ 3779, 3888, 5122, 5879, 5880, 5882) и два в Молотовской (Пермской) области (№ 3952, 5935).

В 1945–1946 гг. по линии Наркомата обороны СССР на территории Свердловской области было создано 8 отдельных рабочих батальонов для интернированных немцев (№ 1095, 1099, 1100, 1103, 1105, 1801, 1802, 1803) и 3 отдельных рабочих батальона для японских военнопленных (№ 428, 429, 435). Четыре рабочих батальона были организованы в Чкаловской (Оренбургской) области – № 359, 1090, 1901, 1902; по три в Молотовской (Пермской) области (№ 1093, 1751, 1752), в Челябинской области (№ 1083, 1651, 1652) и Удмуртии (№ 431, 438, 445); два в Курганской области (№ 437 и 1085). По национальному составу примерно две трети военнопленных составляли немцы. Так, в начале 1946 г. на территории Свердловской области находилось 82,3 тыс. военнопленных. Среди них насчитывались 56,8 тыс. немцев, 4,1 тыс. австрийцев, 14,5 тыс. венгров, 4,6 тыс. румын, 0,3 тыс. поляков, а также испанцы, итальянцы, французы, словаки, чехи, хорваты и др.

В 1947–1948 гг. почти все военнопленные были освобождены и репатриированы на родину. В Советском Союзе остались лишь те из них, кто отбывал наказание за воинские преступления или был осужден за преступления, совершенные за время нахождения в плену, то есть военные преступники. Военные преступники – это организаторы, подстрекатели, руководители, исполнители и соучастники военных преступлений, преступлений против мира и человечности. Виды и состав этих преступлений определены

в уставах международных военных трибуналов. Индивидуальная уголовная ответственность военных преступников устанавливается рядом международных договоров и соглашений, а за некоторые виды военных преступлений – национальным уголовным законодательством. К военным преступникам не применяются сроки давности, им не предоставляется право убежища, они подлежат выдаче⁹.

Проблема осуждения военнопленных за воинские преступления в период Второй мировой войны стала объектом исследования отечественных историков только в начале 1990-х гг., что было вызвано как недоступностью соответствующих документов, так и спецификой самой проблематики. В публикациях В.П. Галицкого, А.Е. Епифанова, В.Б. Конасова, А.А. Крупенникова, Н.В. Петрова были рассмотрены отдельные аспекты проблемы осужденных военнопленных в СССР. Одновременно проблема нахождения осужденных военнопленных и гражданских лиц на Среднем Урале стала объектом исследования и уральских ученых. В работах В.П. Мотревича, А.С. Смыкалина, Н.В. Суржиковой рассматривались вопросы численности, состава, трудоустройства, материально-бытового положения размещенных на территории Свердловской области осужденных военнопленных. Весьма интересные сведения содержатся и в монографии профессора института им. Людвиг-Больцмана по изучению войн (Австрийская Республика) С. Карнера.

Как известно, после окончания Второй мировой войны в г. Нюрнберге состоялся судебный процесс над группой главных военных преступников. После этого привлекать к ответственности за военные преступления стали и в других странах, в том числе и Советском Союзе. В январе 1948 г. в Москве состоялось всесоюзное совещание руководящих работников министерств и управлений органов внутренних дел, а также руководства лагерей для военнопленных. Выступивший на этом совещании министр внутренних дел С.Н. Круглов в ряду важнейших задач своего ведомства поставил выявление нацистских преступников в лагерях МВД для военнопленных, с тем чтобы они не ускользнули от органов МВД во время репатриации. По мере проведения этой операции военных преступников предписывалось задерживать, не выпуская за пределы Советского Союза, и судить. В результате в 1948–1949 гг. по всей стране в лагерях была развернута следственная работа по выявлению лиц, совершивших преступления на территории СССР и стран Восточной Европы. Выявленных лиц на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов и изменников Родины из числа советских граждан и их пособников» судил военный трибунал войск МВД и пригово-

ривал, как правило, к 25 годам исправительно-трудовых лагерей.

В результате принятых мер по фильтрации военнопленных и их уголовному преследованию по состоянию на февраль 1950 г. в СССР было оставлено 13 515 осужденных и подследственных военнопленных. В дальнейшем их количество возрастало в основном за счет осужденных советскими военными трибуналами и интернированных в СССР из стран Восточной Европы иностранных граждан. По состоянию на 1 июля 1953 г. в СССР насчитывалось 19 118 иностранных граждан, осужденных за воинские преступления. Среди них было 17 528 военнопленных и 1590 интернированных¹⁰.

Работа по выявлению среди военнопленных участников зверств и злодеяний активно проводилась и на территории Свердловской области, для чего были созданы постоянные следственные группы. В результате их работы были привлечены к уголовной ответственности и осуждены судом военного трибунала войск МВД УралВО 1126 чел. Кроме того, в Свердловской области были привлечены к ответственности 368 военнопленных, служивших в годы войны в карательных частях германской армии, хотя их преступная деятельность полностью разоблачена не была¹¹.

Для содержания осужденных военнопленных в СССР в системе ГУПВИ МВД СССР было создано 11 особорежимных лагерей. Это были специальные лагеря со строгим режимом, предназначенные для содержания опасных государственных преступников, шпионов, диверсантов, террористов, участников антисоветских групп и организаций. Лагеря были расположены на территории России и Украины, в том числе в Ворошиловградской, Ивановской, Ростовской, Сталинградской областях, а также Хабаровском крае. В конце 1949 г. на базе Нижнеисетского лагеря для военнопленных № 314 был образован лагерь № 476 МВД СССР. Спецлагерь № 476 для военных преступников являлся самым крупным среди подобных лагерей, находившихся тогда на территории Советского Союза. По состоянию на 1 июля 1953 г. в нем насчитывалось 7170 осужденных иностранных граждан, в том числе 6455 военнопленных и 715 интернированных. Среди них были не только немцы, но и граждане Австрии, Бельгии, Венгрии, Голландии, Испании, Италии, Люксембурга, Китая, Кореи, Польши, Румынии, Финляндии и Югославии¹².

Управление лагеря размещалось в пос. Нижне-Исетск г. Свердловска, в областном центре находились и три отделения этого лагеря. Первое лагерное отделение располагалось южнее завода «Уралхиммаш», второе – недалеко от завода РТИ, восьмое – в Кировском районе города, недалеко от Каменных Палаток. Третье лагерное отделение находилось в пос. Талица г. Первоуральска, четвертое лагерное отделение – на восточной окраине г. Ревды, пятое – в центре г. Дегтярска, шестое – на окраине г. Асбеста,

и седьмое – в рабочем пос. Ключи Сысертского района. Весной 1955 г. в первом лагерном отделении насчитывалось 640 чел., во втором – 939, в третьем – 1300, в четвертом – 792, в пятом – 873, в шестом – 1471, в седьмом – 518 и в восьмом – 388 чел. Кроме того, в размещенном в пос. Талица г. Первоуральска госпитале № 1893 МВД СССР находилось на излечении 127 чел.¹³

Контингент лагеря составляли лица, служившие в воинских частях и силовых структурах, замешанных в совершении воинских преступлений, а также те, кто совершал преступления, находясь в лагерях для военнопленных. Следует отметить, что далеко не все заключенные лагеря № 476 являлись военными преступниками. В п. 3 приказа НКВД СССР № 00955 прямо указывалось, что освобождению не подлежат: 1) участники зверств; 2) лица, служившие в СС и СА, полевой полиции и жандармерии; 3) сотрудники гестапо, СД, включая Абвер, разведывательных и контрразведывательных органов других государств; 4) руководящие члены фашистских партий и их организаций: национал-социалистической рабочей партии Германии, «Скрещенные стрелы», «Железная гвардия» и др.; 5) все лица, подозрительные по вышеуказанным признакам, находящиеся в разработке; 6) осужденные в плену за совершенные преступления¹⁴.

Кроме осужденных военнопленных среди узников лагеря № 476 было много и гражданских лиц, арестованных советскими органами в странах Восточной Европы и вывезенных для отбывания наказания в СССР. Содержались здесь и те осужденные иностранные граждане, которых по разным причинам нельзя было выпускать из Советского Союза. Уральский лагерь стал пристанищем для многих, кто был в свое время близок к Адольфу Гитлеру или хотя бы знал его лично. Среди них были адъютант А. Гитлера майор О. Гюнше и капитан Люфтваффе, шепилот его личного самолета Х. Баур, приемный сын рейхсфюрера СС Гимлера, сыновья генерал-фельдмаршала фон Клейста и премьер-министра Венгрии Каллаи, племянник видного дипломата фон Папена, а также начальник отдела «Е» VI Управления СД, руководитель германской разведки на Балканах и в Италии полковник Херман, начальник Главного управления военной разведки Верховного командования вермахта (ОКВ), полковник Зюскинд Швенди и др. Среди заключенных находился и сын казненного в Нюрнберге лидера австрийских нацистов рейхскомиссара Нидерландов Зейсс-Инкварта. В октябре 1946 г., через несколько дней после вынесения смертного приговора, А. Зейсс-Инкварту сообщили, что его пропавший в Советском Союзе сын жив¹⁵.

Архивы содержат интересные сведения о родственнике промышленника Круппа – Герольде Круппе фон Болене. Как известно, Густав Крупп фон Болен был крупнейшим германским промышленником, оказавшим значительную поддержку нацистскому движению. На пред-

приятнях Круппа в огромных количествах производились танки, артиллерия, другая военная техника и снаряжение, широко использовался труд военнопленных и других узников концлагерей. В 1948 г. Крупп фон Болен предстал перед американским военным трибуналом как военный преступник, однако по возрасту и состоянию здоровья был освобожден от уголовной ответственности¹⁶.

Его племянник, обер-лейтенант вермахта Герольд Крупп фон Болен, во время войны находился в Румынии в составе германской военной миссии. После заключения перемирия между СССР и Румынией он был направлен в лагерь для военнопленных. Судя по документам, во время нахождения в плену обер-лейтенант Крупп фон Болен вместе с другим сотрудником бывшей германской миссии – принцем Альбертом фон Гогенцоллерном – готовились совершить побег. Подготовка к побегу оказалась раскрыта, и племянник немецкого промышленника оказался в Москве в Бутырской тюрьме, где был отдан под суд военного трибунала.

На суде ему было предъявлено следующее обвинение: обер-лейтенант Крупп фон Болен, являясь сыном фон Круппа, неоднократно встречался и был лично знаком с Гитлером, Гессом, Гимлером и другими гитлеровскими нацистами. Принимал участие в боевых действиях против Советского Союза и оккупации территории СССР, где захватчиками творились насилия и злодеяния. Будучи в сентябре 1941 г. по личному приказу Гитлера отозван с фронта, в 1942 г. Крупп фон Болен был назначен на должность адъютанта начальника артиллерийского отдела германской военной миссии в Румынии. Являясь убежденным фашистом, принимал активное участие в организации и подготовке артиллерийских кадров из румынских солдат и генералов для борьбы против СССР, подрыва и уничтожения нового демократического строя Румынии. Наряду с этим поддерживал связь с разведывательными органами Германии, а в 1943 г. с разведывательными целями выезжал в Одессу и другие города, после чего добытые сведения передавал в военную разведку.

Таким образом, Крупп фон Болен получил 25 лет исправительно-трудовых работ фактически только за личное знакомство с руководителями Третьего рейха. После вынесения приговора он был отправлен на Урал в пятое лагерное отделение особорежимного лагеря № 476 МВД СССР, расположенное в г. Дегтярске. Вначале он трудился разнорабочим на строительстве жилых домов, затем стал старшим прачечной зоны. В справке лагерной администрации об этом заключенном отмечалось, что Крупп фон Болен соблюдал установленный порядок и выполнял любую порученную работу¹⁷.

Следует отметить, что вообще процедура привлечения иностранных военнопленных к уголовной ответственности и порядок рассмотрения дел в суде были максимально ускорены и упро-

щены. Военные трибуналы выносили приговоры в течение 20–30 мин. без участия обвинения, защиты и свидетелей. Нарушение процессуальных норм в дальнейшем сыграло злую шутку с советским правосудием: часть осужденных военнопленных впоследствии пришлось реабилитировать, поскольку следствие осуществлялось в спешке и вина осужденных материалами уголовно-следственных дел часто не подтверждалась. В результате сотни осужденных военных преступников оказались реабилитированными Главной военной прокуратурой Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Среди реабилитированных – Г. Бартель, Г. Бицингер, А. Бишоф, Э. Бромбах. Унтер-фельдфебель Бартель являлся комендантом концлагеря для советских военнопленных в г. Берлине, им были созданы невыносимые условия для жизни заключенных. Обер-ефрейтор Герман Бицингер, будучи сапером, участвовал в карательных операциях против мирного населения в Крыму. В ходе проведенной с его участием операции было уничтожено свыше 600 чел. из скрывавшегося в каменоломнях гражданского населения.

Служили в концентрационных лагерях для советских военнопленных фельдфебель Арнольд Бишоф и унтер-офицер Эмиль Бромбах¹⁸. Из архивно-следственного дела последнего следует, что унтер-офицер Эмиль Бромбах служил в лагере № 203 для советских военнопленных и был осужден на основании ст. 17 УК РСФСР и ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О наказаниях для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников» на 25 лет ИТЛ. На основании ст. 3 Закона РСФСР от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» приговор военного трибунала войск МВД от 16 декабря 1949 г. в отношении Эмиля Бромбаха был отменен, и производство по делу прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления¹⁹.

Следует отметить, что далеко не все заключенные лагеря № 476 являлись военными преступниками. Карательная машина НКВД безжалостно работала не только в нашей стране, но и в тех странах Восточной Европы, где находились оккупационные части Советской армии. Многие дела были просто сфабрикованы. Так, летом 1945 г. в Свердловскую область из Германии был интернирован Герман Мюллер, житель деревни Кичендорф. Он был крестьянином, в армии никогда не служил. Г. Мюллера осудил военный трибунал 193-й стрелковой дивизии на 15 лет каторжных работ за то, что он использовал в своем хозяйстве вывезенных из СССР советских граждан, плохо их кормил и заставлял работать²⁰.

Широко при этом использовалась и практика вынесения групповых приговоров. Так, 10 января 1949 г. военный трибунал войск МВД УралВО

осудил четырех военнослужащих танковой дивизии СС «Мертвая голова» (Э. Томаса, Ф. Лангау, К. Пайка, О. Каапке) только за сам факт прохождения воинской службы в данной воинской части. Впоследствии все они были реабилитированы. По агентурному делу «Майская гроза» прошли 113 чел. из 87-й пехотной дивизии СС, по делу «Злодеи» – 59 чел. из 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова», по делу «Завоеватели» – 52 чел. из 31-й пехотной дивизии СС и т.д.²¹

Следует отметить, что вследствие недобросовестной работы некоторых следователей часть дел прекращалась вскоре после их возбуждения. Так, в октябре 1949 г. заместителем начальника лагерного отделения № 6 лагеря № 476 в г. Асбесте было заведено дело на унтер-офицера Курта Денараде и ефрейтора Вальтера Рента. Они обвинялись в том, что, будучи военнослужащими 743-го саперного батальона германской армии, в июле 1944 г. взорвали мост через реку Неман в г. Каунасе. Дело против них было возбуждено 29 октября 1949 г., в тот же день эти военнослужащие германской армии были арестованы, им было предъявлено обвинение в преступлениях, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., и в тот же день рассмотрение данного дела было завершено. После изучения материалов данного дела в ОПВИ МВД по Свердловской области выяснилось, что в действительности вышеуказанных лиц отсутствует состав преступления, поскольку мост был взорван в ходе боевых операций, что не попадает под ст. 1 указа²².

За годы нахождения на территории Свердловской области заключенные лагеря № 476 активно участвовали в восстановлении народного хозяйства и построили немало объектов. Среди них жилые дома, дворцы культуры, стадионы, школы, магазины, детские сады, дороги и мосты. Это соцгородки в Асбесте, Первоуральске, Ревде. Много построили они и в областном центре, только в 1955 г. в г. Свердловске осужденные иностранные граждане трудились на 27 объектах. Вместе работали и офицеры, и рядовые, и осужденные гражданские лица. В результате были построены жилые дома во Втузгородке и в районе заводов Уралхиммаша и РТИ, здание пожарно-технического училища, центральный стадион, баня по ул. Первомайской, дача облисполкома в Малом Истоке, мост по ул. Белинского и т.д. Интенсивно использовали труд осужденных военнопленных и в промышленном строительстве: на их счете бетонозавод и завод ЖБИ в г. Асбесте, фабрика № 5 треста «Союзасбест», Ключевский завод ферросплавов, Первоуральская ТЭЦ, многие цеха таких предприятий, как ПНТЗ, РТИ, УЗХМ, заводоуправление Ревдинского метизно-металлургического завода и др.²³

Разумеется, добросовестно трудились далеко не все, некоторые отказывались, занимались саботажем и организовывали диверсии. Среди них бывший командир танкового полка полков-

ник Ганс Герцог. Он был осужден на 25 лет ИТЛ за участие в карательных операциях против советских партизан в Белоруссии. За отказ трудиться он неоднократно подвергался различным наказаниям, но к работе так и не приступил. В мае 1992 г. на основании Закона РСФСР от 18 октября 1991 г. Ганс Герцог был реабилитирован²⁴.

Еще больший «послужной список» у Людвиг Фигля, австрийца по национальности, служившего во время войны рядовым в германской армии. Первый раз он был осужден в декабре 1946 г. судом военного трибунала войск МВД Мурманской области за организацию диверсии во время работы на Мурманской городской электростанции, когда сбросил вагонетку в шахтоподъемник и вывел его из строя. Второй раз в 1951 г. за то, что бежал из лагеря в Белоруссии и около года находился на нелегальном положении. В третий раз Л. Фигль оказался обвиняемым по делу генерала Германа, когда он вступил в подпольную организацию военнопленных в Дегтярском лагере, пытавшуюся осуществить групповой побег, и был осужден на 25 лет ИТЛ. В мае 1955 г. Л. Фигль отказался выходить на работу и потребовал отправить его домой²⁵.

25 лет исправительно-трудовых лагерей – огромный срок, и многие заключенные пытались бежать из уральского лагеря. Так, в 1952 г. военнопленный Пицона с группой единомышленников заготовили несколько килограммов сахара, купили часы, достали карту Советского Союза. Пользуясь плохой погодой, бежать они собирались либо из лагеря, отодрав доску в заборе, либо с места работы, где устроили под одним из ограждений подкоп. Пицона сделал даже рогатку, собираясь разбить из нее лампочку, чтобы выбранное для побега место стало непросматриваемым. На основе поступившей агентурной информации о готовившемся побеге все его участники были арестованы и на 10–20 суток отправлены в карцер. В начале 1953 г. была предотвращена попытка осужденных военнопленных бежать из лагерного отделения в г. Дегтярске. Заговорщики, которых возглавлял бывший командир германской авиационной дивизии Х. Герман, планировали уйти в Казахстан, а оттуда с помощью немцев-спецпереселенцев перебраться за границу²⁶.

Примерно четверть содержащихся в лагере военнопленных составляли офицеры и генералы. По состоянию на 1 октября 1953 г. на учете в лагере № 476 находилось 4647 чел., в том числе 1127 офицеров, 82 генерала и 48 адмиралов. Основной массив последних составляли генералы вермахта и адмиралы флота, но были среди них генералы венгерской и румынской армий. Всего в плену в СССР находилось одних только генералов германской армии и адмиралов военно-морского флота 376 чел. Среди обитателей лагерных барачных корпусов наибольшую часть составляли представители сухопутных войск. Второй по численности была категория отставных генералов, на конец 1948 г. их насчи-

тывалось 40 чел. Из этого числа 277 генералов и адмиралов были репатриированы, а 99 умерли, из них 18 чел. приговорены к высшей мере наказания и казнены²⁷.

В феврале 1954 г. на Среднем Урале находилось 92 генерала, из них 86 генералов германской армии, 1 – румынской и 5 – венгерской. Был среди них и адмирал германского флота. В архивных делах сохранился эшелонный список, составленный при переводе осужденных для отбытия наказания в г. Иваново, что позволяет назвать находившихся в Свердловской области генералов поименно. Это генералы германской армии: К. Агрикола, О. Аудорш, О. Барт, Г. Бауэр, Э. Беге, К. Беккер, В. фон Беркен, Г. Беттхер, Э. фон Боген, В. Бремер, О. Брюкер, Э. Бушенгаген, Ф. Вайнкнехт, Р. Буттман, Г. Гануэр, М. Гартман, Г. Гейне, К. Герсдорф, А. Гешен, Ф. Гольвигцер, Э. Енеке, Д. фон Заукен, И. Зеебот, Э. Зилер, Э. фон Килиани, Г. Клампт, Г. Кольсдорфер, А. Конради, К. Косман, Р. Кретцер, Т. Кречмер, Э. фон Куровский, Б. Лаш, Г. Ленгенфельдер, Ф. Лигман, Г. Линдеман, Г. Ломбард, Ф. Макке, В. Макс, Г. Медер, Э. Мерк, Г. Михаэлис, Э. Мюллер, Г. Нигафф, В. Бойман, В. Райгель, О. Раузер, К. Репке, Г. Риттберг, К. Роденбург, Ф. Раске, В. Рунге, К. Родигер, И. Тарбук, Э. Томашки, Г. Траут, А. Трабитц, Г. фон Фалькенштайн, Э. фон Фалькенштайн, Э. Ферхайн, Г. Фишер, Ф. фон Кирхензентенбах, Л. Фрикке, Г. Хакс, Э. Хелль, А. Хемман, В. Хенне, Э. Хенрици, А. Хенце, А. Хиггер, Ф. Хохбаум, Б. Хюльзен, В. Шартов, Б. Шац, И. Шватло-Гестердинг, Г. Ширмер, Ф. Шлипер, Р. Шлигер, Э. фон Шляйниц, В. Шмидт-Хаммер, А. Шмидт, Р. Шперль, Ф. фон Штейккеллер, И. Энгель, Ф. Энгель; генералы венгерской армии: Ф. Вашвари, Г. Буковари, Л. Сабо, Г. Фехер, Г. Ерлих; румынской: Т. Станеску, а также контр-адмирал германского флота В. Арнсвальд²⁸. Пленные генералы иностранных армий содержались в лагерных отделениях, расположенных в Асбесте, Дегтярске и Первоуральске. Об их пребывании на Урале имеются весьма любопытные воспоминания М.А. Егорова, который после демобилизации из армии до декабря 1955 г. работал начальником отдела управления лагеря № 476²⁹.

В апреле 1953 г., вскоре после смерти И.В. Сталина, Президиум ЦК КПСС поручил межведомственной комиссии под председательством министра юстиции К.П. Горшенина пересмотреть приговоры в отношении тех иностранных граждан, дальнейшее содержание которых не было необходимо. Через месяц члены комиссии пришли к заключению о том, что могут быть освобождены от наказания 12,7 тыс. германских подданных. В конечном счете было признано необходимым освободить от наказания 13,1 тыс. немцев, из которых 6,1 тыс. были осуждены советскими военными трибуналами и содержались на территории ГДР. В результате численность заключенных лагеря № 476 стала постепенно сокращаться. В Ива-

новскую область в лагерь № 48 МВД СССР отправили всех оставшихся в живых генералов, в Ворошиловградскую область – 76 испанцев из «Голубой дивизии», небольшие группы немцев отправляли в ГДР³⁰. Однако массовое сокращение контингента началось только весной 1955 г.

В мае 1955 г. был заключен мирный договор между Советским Союзом и Австрийской Республикой, и Президиум Верховного Совета СССР издал указ об амнистии и репатриации на родину всех осужденных австрийских граждан. После этого осужденных иностранных граждан стали группировать по национальному признаку. В Хабаровском крае в лагере № 16 стали собирать всех подлежащих репатриации граждан Китая, Кореи, Монголии и подданных Японии, в Свердловской области – граждан Австрии и Германии, частично Венгрии и Румынии, в Мордовии – всех остальных. В этих сборных пунктах устанавливался облегченный режим содержания (сняли установленные по периметру вышки, убирали сторожевых собак) и срочно приводили их в образцовый порядок. В четвертое лагерное отделение лагеря № 476, расположенное в Ревде, из лагерей и тюрем со всей территории Советского Союза стали поступать осужденные австрийские граждане. Здесь они проходили медицинский осмотр и ставились на усиленное питание. Сбор австрийцев в Ревде был завершен 14 мая, а на следующий день им было объявлено об амнистии и освобождении. В оставшиеся до отъезда дни бывшие заключенные смотрели кино, играли в футбол и просто загорали. В порядке культурного обслуживания силами самих австрийцев было организовано несколько концертов самодеятельности, показаны кинофильмы, поставлен спектакль на немецком языке «Укрощение строптивой», разыграны футбольные матчи.

Перед отправлением на родину всем освобожденным австрийцам выдали новую одежду и обувь, произвели денежный расчет, вернули изъятые документы и ценности. Правда, с возвратом ценностей возникли сложности. Дело в том, что в соответствии с установленным в 1939 г. Народным комиссариатом внутренних дел СССР порядком все изъятое у заключенных вещи оценивались и передавались в Управление драгметаллов Минфина СССР для зачисления в доход государства. И при освобождении их владелец получал либо изъятые у него ценности, либо ему компенсировали их оценочную стоимость. Однако часто изымаемые при аресте ценности оценивались по символическим ценам. Так, в частности, изъятая у контр-адмирала В. Арнсвальда золотая нумизматическая медаль XVIII в. весом свыше четырех граммов золота была оценена в 18 руб. 56 коп. в ценах тех лет³¹.

Первый эшелон с 250 репатриантами был отправлен из Свердловской области 25 мая 1955 г., а 2 июня он прибыл на пограничную станцию Чоп. Здесь репатрианты прошли тамо-

женный досмотр и были пересажены в пассажирский поезд, который 4 июля пересек австро-венгерскую границу. В Австрии вернувшихся из Советского Союза сограждан принимали радостно и тепло, было много корреспондентов, на промежуточных станциях их встречали делегации с оркестрами. По прибытии в Вену репатриантов встретил федеральный канцлер Австрийской Республики Ю. Рааб, другие официальные лица, а также многочисленные родственники и знакомые.

10 июня 1955 г. из четвертого лагерного отделения в г. Ревде отправили вторую группу освобожденных австрийцев в количестве 185 чел. По прибытии в Австрию их встретили представители Международного Красного Креста и вручили подарки и цветы. В Вене прибывших встречала толпа, состоящая из нескольких тысяч человек, среди которых были федеральный канцлер, министр внутренних дел и столичный бургомистр.

Обращаясь к прибывшим репатриантам, министр внутренних дел Австрии отметил: «Нам больших трудов стоило возвратить вас на Родину. Вы были осуждены советским судом незаконно, поэтому мы не считаем вас преступниками и окажем необходимое содействие в устройстве вашей жизни и благополучия». После завершения митинга каждому прибывшему преподнесли подарки, выдали по 3 тыс. шиллингов и на автомашинах развезли по домам. В этот же день в австрийских газетах появились статьи и фотографии, посвященные возвращению на родину амнистированных граждан Австрии³².

В сентябре 1955 г., после визита в СССР канцлера ФРГ К. Аденауэра и достижения соответствующих договоренностей, началось освобождение осужденных германских граждан. В конце сентября 1955 г. был принят соответствующий указ Президиума Верховного Совета СССР, после чего амнистированные граждане считались свободными. Основным местом сбора подлежащих репатриации на родину германских граждан также стал лагерь № 476, куда их стали собирать со всей страны. Вскоре на улицах г. Свердловска в сопровождении сотрудников милиции появились группы бывших заключенных немцев. Они гуляли по проспекту им. Ленина, посещали кинотеатры, музеи, осматривали достопримечательности города. Первый эшелон с репатрированными немцами отбыл со станции Хромпик 29 сентября 1955 г., за ним последовали другие. Затем репатриация была временно приостановлена и возобновилась только в начале декабря.

Одновременно с репатриацией граждан Германии шла репатриация венгерских и румынских граждан. Часть из них освобождалась, но многие передавались властям этих стран для дальнейшего отбывания наказания. В сентябре 1955 г. в лагере № 476 насчитывалось 394 венгерских и 442 румынских гражданина. Из них было амнистировано соответственно 239 и 268 чел., не попавшие под амнистию передавались правительствам соответствующих стран для

дальнейшего отбывания наказания.

Архивные документы свидетельствуют о том, что некоторые осужденные военнопленные венгры, и особенно румыны, отказывались уезжать из Советского Союза. Они хотели отсидеть свой срок в СССР, так как режим содержания заключенных в их странах был строже. Так, младший сержант венгерской армии К. Золантен, узнав о предстоящей репатриации, заявил о том, что в лагере № 476 он получает 600 г хлеба в день, а у себя на родине – 200 г, а вдобавок еще будет получать по спине дубинкой. Другие просили предоставить им советское гражданство либо отправить не на родину, а в Австрию или Германию. Всего таких заявлений было свыше полусотни. Категорически отказывались ехать в ГДР и некоторые амнистированные германские граждане³³.

Последними в декабре 1955 г. со станции Хромпик г. Первоуральска в ГДР были отправлены тяжелобольные из спецгоспиталя № 1893, тем самым репатриация осужденных иностранных граждан из лагеря № 476 была в основном завершена. В нем осталось всего 65 иностранцев, исключенных из списков на репатриацию. Основную часть их составляли румынские граждане – бывшие сотрудники разведки и военной полиции, которых планировали передать властям этой страны. Остальные являлись гражданами СССР, служившими в германской армии и получившими германское гражданство. Репатриация этих граждан была отложена до особого распоряжения, судьбу их до настоящего времени проследить не удалось. В феврале 1956 г. лагерь № 476 МВД СССР был закрыт.

Таким образом, в 1942–1955 гг. на Урале находилось свыше 250 тыс. военнопленных Второй мировой войны, оказавшихся в советском плену в основном летом и осенью 1945 г. Создание здесь первых лагерей для военнопленных весной 1942 г. было обусловлено высокой потребностью в рабочей силе, а также удаленностью региона от театра военных действий. В дальнейшем именно потребность в дополнительных трудовых ресурсах, вызванная быстрым экономическим развитием «опорного края державы», явилась главным фактором размещения на Урале многотысячного контингента из числа военнопленных и интернированных иностранных граждан. Лагеря для военнопленных были организованы во всех областях и республиках Уральского региона, однако больше всего их было в Свердловской и Челябинской областях, имевших наиболее мощный промышленный потенциал. Значительное число военнопленных и интернированных находилось в Удмуртии и Молотовской (Пермской) области, также игравших важную роль в военной экономике СССР. Свои особенности в размещении военнопленных имела Чкаловская (Оренбургская) область. Они заключались, во-первых, в значительном количестве спецгоспиталей, а во-вторых, в наличии крупного контингента военнопленных из состава

ва итальянской армии. Данное обстоятельство было обусловлено, по нашему мнению, близостью Сталинграда.

Потребностью в трудовых ресурсах был обусловлен выбор Свердловска и прилегающих к нему городов в качестве места размещения самого крупного в СССР лагеря для осужденных военнопленных. Интенсивное использование на протяжении первой половины 1950-х гг. семи тысяч дополнительных работников сыграло важную роль в развитии экономики региона, особенно в жилищном и промышленном строительстве.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: РГВА. Ф. 1и/п. Оп. 17, 18, 40, 49, 55, 58, 59.

² См.: Там же. Ф. 4п. Оп. 19–29.

³ См.: Архив УФСБ РФ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1.

⁴ См.: Отдел спецфондов ИЦ ГУВД Свердловской области.

⁵ См.: Архив УФСБ РФ по Свердловской области. Ф. 9. Оп. 1.

⁶ См.: Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства: Тезисы междунар. научн. конф. (10–14 июня 1992 г.). Екатеринбург, 1992; Проблемы военного плена: история и современность: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (23–25 октября 1997 г.). Вологда, 1997. Ч. 1.

⁷ См.: Архив УФСБ РФ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 43.

⁸ См.: Мотревич В.П. Солдаты вермахта в рабочих спецвзводах // Вечерний Первоуральск. 1992. 7, 9 июля.

⁹ См.: Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 122.

¹⁰ См.: РГВА. Ф. 1и/т. Оп. 19. Д. 4. Л. 4.

¹¹ См.: Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997. С. 165–166.

¹² См.: РГВА. Ф. 1и/т. Оп. 19. Д. 4. Л. 4.

¹³ См.: Отдел спецфондов ИЦ ГУВД Свердловской области. Ф. 56. Оп. 1. Д. 29. Л. 15; Д. 33. Л. 3–6.

¹⁴ См.: Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Вологда, 1996. С. 177.

¹⁵ См.: РГВА. Ф. 1т. Оп. 13. Д. 5 Л. 177, 313; Д. 6. Л. 4.

¹⁶ См.: Энциклопедия Третьего рейха. М., 1996. С. 235, 267.

¹⁷ См.: Отдел спецфондов ИЦ ГУВД Свердловской области. Ф. 56. Оп. 1. Д. 31. Л. 4–13.

¹⁸ См.: ГААОСО. Ф.1. Оп. 2. Д. 45554. Л. 1–44.

¹⁹ См.: Там же. Д. 45540. Л. 1–20; Д. 45552. Л. 1–46.

²⁰ См.: Там же. Л. 38.

²¹ См.: Там же. Д. 48654. Л. 3–32.

²² См.: Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России. С. 157.

²³ См.: ГААОСО. Ф.1. Оп. 2. Д. 33195. Л. 45.

²⁴ См.: РГВА. Ф. 1. Т. Оп. 4. Д. 19. Л. 183–200; Отдел спецфондов ИЦ ГУВД Свердловской области. Ф. 56. Оп. 1. Д. 33. Л. 3–9.

²⁵ См.: ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45638. Л. 2–28.

²⁶ См.: Отдел спецфондов ИЦ ГУВД Свердловской области. Ф. 56. Оп. 1. Д. 30. Л. 10–13, 18; Егоров М.А. Бунт генералов // Уральский рабочий. 1992. 7 апр.

²⁷ См.: РГВА. Ф. 1и/т. Оп. 2. Д. 88. Л. 74.

²⁸ См.: Отдел спецфондов ИЦ ГУВД Свердловской области. Ф. 56. Оп. 1. Д. 28. Л. 4–5.

²⁹ См.: Егоров М.А. Бунт генералов.

³⁰ См.: Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР. С. 169.

³¹ См.: Отдел спецфондов ИЦ ГУВД Свердловской области. Ф. 56. Оп. 1. Д. 28. Л. 80; Д. 56. Л. 99.

³² См.: Там же. Д. 30. Л. 45–46, 52, 35, 146–152.

³³ См.: Там же. Д. 31. Л. 175–178; Д. 32. Л. 26, 188.

Организационное обеспечение деятельности мировой юстиции в дореволюционной России (по материалам Вологодской губернии)

■ **Е.В. КУЗНЕЦОВА** – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России

В статье анализируются особенности нормативного регулирования и деятельности государственных и негосударственных органов и учреждений, задействованных в организационном обеспечении мировой юстиции в дореволюционной России, а также особенности реформирования и функционирования мировой юстиции и институтов, обеспечивающих ее деятельность. Материалы статьи основаны на опубликованных и архивных данных по Вологодской губернии.

Ключевые слова: история государства и права России, Судебная реформа 1864 г., Вологодская губерния, мировая юстиция, мировой

Организационное обеспечение деятельности мировых судей по Судебным уставам 1864 г. отличалось своеобразием, частично обусловленным заимствованием зарубежного опыта и особенностями политического, социально-экономического, идеологического развития Российского государства на рассматриваемом этапе. Как известно, реформирование судост-

ройства в Российской империи производилось не одновременно. В 34 губерниях европейской части государства Судебные уставы 1864 г. были введены в 1860–1870-е гг. в полном объеме. В других регионах судебная реформа проводилась несколько позднее, на основании различных «Временных правил...» и характеризовалась определенными особенностями. Так, например,